

СЕРГЕЙ РОМАНОЮК

ОСТО ЖЕН КА

ОСТОЖЕНКА
ПРЕЧИСТЕНКА
В ЛАБИРИНТЕ АРБАТСКИХ
ПЕРЕУЛКОВ
ПОВАРСКАЯ УЛИЦА
У ПАТРИАРШЬЕГО
ПРУДА

ПРОГУЛКИ
ПО МОСКВЕ
С СЕРГЕЕМ
РОМАНОЮКОМ

Сергей Константинович Романюк Остоженка. От Остоженки до Тверской

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9821938

Остоженка. От Остоженки до Тверской / Сергей Романюк.:

Центрполиграф; Москва; 2015

ISBN 978-5-227-05133-2

Аннотация

Сергей Романюк приглашает вас в путешествие по Москве. Вместе с автором читатель пройдет от Остоженки – в древние времена дороги из Киева и Смоленска во Владимир, Суздаль и Ростов Великий – переулками до Тверской – крупнейшей улицы современного города.

Содержание

Глава I

6

Конец ознакомительного фрагмента.

58

**Сергей Константинович
Романюк
Остоженка. От
Остоженки до Тверской**

Оформление художника Е.Ю. Шурлаповой

Глава I

Остожье

От Москвы-реки до Остоженки

По мнению историков Москвы, трасса Остоженки была в древние времена дорогой из Киева и Смоленска во Владимир, Суздаль, Ростов Великий. Она шла через Москву-реку (там, где сейчас стоит Крымский мост, а тогда был брод) мимо прибрежных сел и лугов к Кремлю и далее на север и северо-восток.

Недалеко от современной улицы находилось великокняжеское село Семчинское, впервые упоминаемое в 1339 г. «Приказываю сынам своим отчину свою Москву, – говорилось в завещании Ивана Калиты. – А се есмь роздел им учинил», – продолжал он, и далее следовал перечень городов, слобод и сел, и в числе последних «село Семциньское». Оно обязательно входило в завещания московских великих князей в продолжение почти 200 лет. Это село часто упоминается и в летописях в связи с многочисленными пожарами в Москве. Так, в царствование Ивана IV в 1547 г. «бысть буря велика, и потече огонь, яко же молния и пожар силен, и прмче во един час за Неглинною огонь и до Всполья за

Неглинною и Черторья погоре до Семчинского сельца, после Москву реку...». Это село упоминается в летописи также и в связи с тем, что Иван Грозный взял его в опричнину: «Пове- ле же и на посаде улицы взяти в опричнину от Москвы реки: Чертольскую улицу и с Семчинским сельцом и до всполья».

Другое село, стоявшее на берегу Москвы-реки, называ- лось Киевец – по выходцам из Киева. Карамзин приводит сведения о переселении в 1332 г. в Москву на службу к Ива- ну Калите боярина Родиона Нестеровича с сыном Иваном «и с ним же княжата и Дети Боярские и двора его до тысящи и до семи сот». Они поселились здесь, недалеко от сухопут- ной дороги из Киева, и построили деревянную церковь Ни- колая, «что в Киевцах»...

Эта полулегенда-полубыль неожиданно получила под- тверждение в наши дни, и вот каким образом. После раз- борки в 1935 г. Успенской церкви на Остоженке в Третья- ковскую галерею поступила икона, уже в плохом состоянии. Когда ее расчистили и отреставрировали, оказалось, что это прекрасное произведение русской живописи, изображающее Николу Зарайского, культ которого был широко распростра- нен на Руси, ибо считалось, что он защитник от «насилия поганых», бесчисленных врагов, окружавших Русь. По опре- делению искусствоведов, икона написана как раз на рубе- же XIII и XIV вв. мастером именно Киевской школы. А в старинном московском роду Квашниных-Самариных, веду- щих свою родословную от сына Родиона Нестеровича Ива-

на, по прозвищу Квашня, сохранилось семейное предание о вывозе этой иконы из Киева. Кстати, Квашнины-Самарины в XVIII в. были старостами в приходе церкви Николая в Киевцах. Деревянная церковь, перестроенная в каменную в 1691 г., стояла до 1772 г. на берегу Москвы-реки. Вода постепенно подмывала берег, и церковь пришлось разобрать. Кирпич пошел на ограду Зачатьевского монастыря, а икону передали в соседнюю Успенскую церковь, откуда она и поступила в Третьяковскую галерею.

Села были окружены обширными лугами, где косили сено для княжеского двора. Название улицы произошло от слова «остожье», что означало стог, или участок сенокоса («купил... шесть остожен»), или высокие подмости для стогов сена, место, где хранилось сено на подмостях, называлось «остожем». С 1936 г. улица носила название Метростроевская из-за того, что метро проводили по ней открытым способом, в 1986 г., несмотря на протесты многих жителей, ей возвратили историческое имя.

В конце улицы, у Крымского брода, находился царский конюшенный двор, названный по местности «Остоженным», по периметру застроенный небольшими деревянными зданиями, любопытный и редкий рисунок которых сохранился в Центральном государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге. Невдалеке от начала улицы, под стеной Белого города, в Москву-реку впадал ручей Черторый, по названию которого местность, где он протекал, называлась

Чертолье. У его устья располагался лесной рынок. По изрезанному извилистыми протоками с ручьями и ручейками берегу Москвы-реки спускались незастроенные участки, сдаваемые именитыми владельцами – Шереметевыми, Голицыными, Скавронскими – под лесные склады.

Недалеко от стены Белого города, подхотившей к Москве-реке, напротив его башни, украшенной семью шатрами, стояла маленькая деревянная Ильинская «обыденская» церковка, построенная «обыдень» – в один день, по обещанию, обету. Возможно, что впервые она появилась тут в конце XV или в XVI в. – в ризнице храма находился синодик, составленный между 1589 и 1607 гг. В 1612 г., в год победы русского ополчения над польско-литовскими интервентами, недалеко от этих мест, у Арбатских ворот, находились главные силы русского ополчения под командованием Дмитрия Пожарского и его соратников. Перед решающим сражением 24 августа, разгоревшимся в Замоскворечье, ополчение было передвинуто к берегу Москвы-реки, а сам «князь Дмитрий же Михайлович с своей стороны ста у Москвы-реки, у Ильи пророка Обыденного».

2-й Ильинский переулоч от церкви Ильи Обыденного в сторону Остоженки. 1913 г.

Отсюда он в опасный момент послал Минина на гетмана Ходкевича, пытавшегося пробиться к осажденным полякам в Кремле: «...Козьма задумал сам ударить на врагов, пришел к кн. Пожарскому и стал просить людей. „Бери, кого хочешь!“ – ответил князь. Козьма взял роту Хмелевского да дворян три сотни. На том берегу, у Крымского двора (церковь Иоанна Воина), стояли две гетманские роты, конная и пешая. Козьма, переправясь за реку, с великою прыткостью ударил впрямь на эти роты. Они, не дождавшись еще дела,

дрогнули и побежали, конные потоптали пеших. Козьма еще прытче погнал за ними. Тогда засевшие в ямах и крапивах наши ратные, услыша крики битвы и увидя, что Козьма с великим стремлением гонит Поляков, и все, в один час, ото всех мест, где скрывались, повскакали, как один человек, и ринулись тиском на гетманские таборы. Следом за ними напустили конные полки. Гетман не выдержал этого натиска, – дрогнул и побежал со всем войском, оставив храбрым в добычу свои таборы со всеми запасами». В этой битве был убит племянник Кузьмы Минина.

Здание церкви (2-й Обыденский, 6) – памятник русской архитектуры, охраняемый государством, – построено в 1702–1706 гг. Гавриилом Деревниным, о чем свидетельствует надпись на доске, заложенной в северную стену. Г.Ф. Деревнин, возглавлявший вместе с боярином Тихоном Стрешневым несколько важных приказов, был думным дьяком, то есть имел один из высших чинов в бюрократическом аппарате Древней Руси; думные дьяки были докладчиками в Боярской думе, подготавливали ее решения.

Трапезную 1819 г. перестроили в 1866–1868 гг. и тогда же соорудили по проекту архитектора А.С. Каминского высокую (около 36 метров) колокольню.

На украшение и поддержание церкви крупные вклады делали и Третьяковы – братья Павел и Сергей и их мать, жившая в приходе церкви.

В Ильинской церкви находятся ценные иконы Спасителя

и Казанской Богоматери работы Симона Ушакова, пророка Ильи XVI в., «Нечаянная Радость» из кремлевской Благовещенской церкви.

По церкви окружающие ее переулки назывались Ильинскими и Обыденскими. В начале XIX в. всю правую часть **1-го Обыденского переуллка** (1-го Ильинского; он в 1965–1994 гг. носил имя Н.В. Крыленко, председателя революционного трибунала, прокурора РСФСР, комиссара юстиции СССР, одного из тех, кто стоял во главе карательного аппарата Советского государства, был репрессирован и расстрелян в 1938 г.) занимала большая усадьба майора Г.Б. Безобразова, по фамилии которого еще в середине прошлого века переулок назывался Безобразовским. В первом издании этой книги я написал, что на этой стороне обращает на себя внимание двухэтажное здание под № 12, которое появилось здесь вскоре после пожара 1812 г., уничтожившего почти всю застройку в этой местности, и что ограда его сделана 100 лет спустя по проекту архитектора В.М. Борина. Теперь же всего этого нет, и вместо него стоит новый жилой дом (2002 г., архитекторы В. Ходнев, Е. Костина и др.), который соседствует с также новым, одним из первых в этих местах, домом на углу 3-го Обыденского (1999 г., архитектор А. Скокан и др.).

На Остоженку переулок выходит доходным домом № 14/3 с оригинальной угловой башенкой и ярким крупным декором в стиле модерн, построенным для купца Я.М. Филато-

ва в 1909 г. архитектором В.Е. Дубовским. О декоре этого дома активно распространяются в расхожей литературе о Москве всякого рода досужие вымыслы – наверху, видите ли, изображена рюмка (самый, возможно, узнаваемый для читателей такой литературы предмет), отчего авторы делали заключение о беспробудном пьянстве и владельца, и архитектора дома. Исследователь творчества архитектора пишет об этом здании: «Находясь значительно выше расположенных ближе к площади домов, оно оказалось фоном для храма Христа Спасителя. Архитектор не мог игнорировать этого. Значительно превышающая обычную проработка дворового фасада дома Е. Филатова – прямой намек на позакомарное покрытие русской культовой постройки в карнизе над обращенной к храму стеной дома явно свидетельствует о стремлении увязать массив первого на Остоженке жилого дома-гиганта с основной доминантой площади, подчинить его традиционной иерархии. Два других, лицевых, фасада напротив сами стремятся доминировать над улицей. Укрупненный по сравнению с соседними небольшими зданиями масштаб окон и дверных проемов, контрастное сопоставление пестрого майоликового фриза, крупных, резко прочерченных пластических вставок с гладкой штукатуркой, нелепость стилизованного купола – все говорит о размахе, силе, вступающей в конфликт со старым эстетическим обликом улицы».

*1-й Ильинский переулоч. Церковь Ильи Обыденного близ
Остоженки. 1913 г.*

По левой стороне переулка в конце XVIII – начале XIX в. был большой участок полковника Д.П. Черевина (ум. 1817 г.), адъютанта Павла I, начальника костромского ополчения в 1812 г., с обширным каменным главным домом, выходящим за красную линию Остоженки. Позади находился обширный двор со многими строениями. Сын владельца этой усадьбы, подпоручик Павел Дмитриевич Черевин, был причастен к движению декабристов; он рано умер – еще до восстания – и потому только избежал судьбы декабристов, а усадьба перешла к другому сыну, генерал-майору Александру (1802–1849). У него в 1823–1824 гг. снимал дом надворный советник Михаил Михайлович Сонцов, женатый на тетке Пушкина Елизавете Львовне.

На этом участке выстроены доходные жилые дома, оба полностью перестроенные в 2002 г.: № 5, 1906 г., архитектор О.Г. Пиотрович (в 1930-х гг. здесь жил известный гидробиолог, профессор Московского университета, участник многих океанографических экспедиций, академик Л.А. Зенкевич (1889–1970), № 7, 1904 г., архитектор К.Ф. Буров, а также № 9, 1913 г., архитектор Н.И. Жерихов, а кончается переулок большим жилым зданием (№ 14/5), построенным для Остоженского кооперативного товарищества по проекту В.В. Воейкова к 1915 г. Здесь жил врач В.К. Ильинский и его сын, артист Игорь Ильинский, артистка А.К. Тарасова.

Этот дом выходит и на соседний **2-й Обыденский** (ранее

2-й Ильинский) **переулоч.** Часть его, ближайшая к Москве-реке, была застроена невидными и небольшими зданиями, за исключением дома № 3 (1913 г., архитектор П.И. Антипов; на его месте новое строение, выделяющееся своими хаотичными формами). На самом углу переулоча стоял дом (№ 2), переполненный когда-то беднотой, ютившейся в его каморках, и прозывавшийся в ближней округе «Сережкиной крепостью». В Москве многие дома-трущобы носили ироническое название «крепостей». Была известна «Ржанова крепость» в Проточном переулочке, описанная Л.Н. Толстым, «Арбузовская крепость» в Малом Колосовом переулочке, яркое изображение которой оставили нам М.А. Воронов и А.И. Левитов в книге «Московские норы и трущобы», «Чебышевская крепость», приют бедных студентов на Козихе. Теперь на месте старого дома офисное здание, построенное по заказу Управления по обслуживанию дипломатического корпуса в 2000 г. (архитектор А. Скокан и др.).

Вверх по 2-му Обыденскому переулочу здания становятся больше, выше, богаче. Дом № 11 с необычной формы балконами верхнего этажа построен в 1903 г. архитектором Ф.А. Когновицким. Один из лучших здесь домов, фасад которого оживлен лепными барельефами, – № 13 (1910 г., архитектор Н.Г. Фалеев). В 1907–1913 гг. в нем квартировали основатели Кружка любителей русской музыки Мария и Аркадий Керзины, который со временем превратился в крупную концертную организацию, широко пропагандиро-

вавшую русскую музыку.

С этим домом граничит большой жилой комплекс, выстроенный архитектором А.В. Ивановым (№ 15/7 по Остоженке) для Варваринского акционерного общества домовладельцев, которое приобрело этот участок у Мухановых в 1898 г. и сразу же начало строить жилой дом, возведенный в несколько приемов – в 1898, 1899 и 1904 гг. По отзывам современников, от мухановской усадьбы и всей обстановки «веяло седой стариной».

Мухановы владели участком еще в конце XVIII в. Из этой семьи вышел Петр Муханов, жестоко поплатившийся за отдаленную причастность к декабристским организациям. Он был отправлен на каторжную работу и, несмотря на неоднократные слезные просьбы родных, оставался в Сибири до смерти. Два сына владельца усадьбы Алексея Ильича Муханова – Александр и Владимир – часто встречались со многими литераторами. Гоголь неоднократно бывал здесь – братья были его друзьями. Пушкин после возвращения из ссылки часто виделся с братьями Мухановыми, сохранилось несколько записок к ним. Вот он пишет Владимиру: «Приходите ко мне завтра вечером в 8 часов; мы будем читать Годунова» или «Будь у меня вечером и привези Хомяковых» или Александру: «Милый мой Муханов, когда же свидимся мы, чтобы ехать к дяде – заезжай к Яру, я там буду обедать и оставь записку», – пишет Пушкин в феврале 1827 г. в доме Мухановых.

В существующем доме жили профессор Московской консерватории по классу фортепиано А.А. Ярошевский, учитель знаменитого музыканта Исаяи Добровейна, у него училась и будущая певица В.В. Барсова, зачинатель жанра чтения со сцены, «вечеров рассказа», артист А.Я. Закушняк, архитектор В.Д. Дриттенпрейс, инженер В.Г. Шухов, историки М.Д. Довнар-Запольский и В.И. Пичета, писатель И.Г. Эренбург, искусствовед Б.Н. Терновец, биолог, один из основателей генетики в России, создатель института экспериментальной биологии Н.К. Кольцов, патологоанатом академик А.И. Абрикосов; там находились Московский математический кружок и редакция журнала «Математическое образование» во главе с профессором Б.К. Млодзеевским. До строительства этого комплекса здесь в 1880-х гг. жил художник А.Е. Архипов.

На противоположной стороне 2-го Обыденского переуллка дом № 12 построен в 1913 г. (архитектор Н.И. Жерихов), а № 14 – в 1915–1916 гг. для гимназии Московского общества преподавателей (во дворе можно увидеть двухэтажную постройку, где находились гимнастический и актовый залы). В этом же переулке находилась еще одна гимназия – частная женская Е.Е. Констан, для которой в глубине участка № 9 в 1903 г. сооружено здание по проекту Л. Херсонского. В 1920-х гг. здесь помещалась школа-коммуна с индустриальным уклоном имени П.Н. Лепешинского, в которой учились дети многих советских деятелей.

2-й Ильинский переулок к церкви Ильи Обиденного. 1913 г.

Соседний **Пожарский переулок** (названный в честь полководца князя Д.М. Пожарского) в 1922–1993 гг. назывался Савельевским, по псевдониму А.С. Шелехеса, участника боев с войсками законного правительства в ноябре 1917 г., а до того – Савеловским, по фамилии дворян Савеловых, владельцев крупной усадьбы в нем (№ 7 и 9). Их старинные палаты сохранились (№ 7), они стоят торцом к переулку. Такое расположение жилого дома – один из распространенных приемов в средневековом русском строительстве. В

конце XVII в. несколько участков здесь скупил брат патриарха Иоакима Тимофей Савелов, стольник царицы Прасковьи Федоровны, и в продолжение почти 150 лет это обширное владение не выходило из семьи Савеловых. Сохранился план усадьбы начала XIX в., на котором показан главный дом на холме, вниз спускался большой сад, где были два пруда, соединявшиеся небольшой протокой с деревянным мостиком над нею.

Ампирная обработка фасадов старинных палат принадлежит к 1810-м гг.: главный фасад украшен дорическим портиком, а на дворе сохранились ионические пилястры. Дом этот, конечно, неоднократно перестраивался, меняя хозяев, потом он перешел к некоему штаб-ротмистру Заливскому. Как рассказывает Д.Н. Никифоров в книге «Старая Москва», это был «видный мужчина, пленявший в сороковых годах московских красавиц замоскворецкого типа. Влюбил в себя дочь богатого купца, заслужил благоволение отца. Старик купил на его имя большое имение с крепостными и обширный дом с усадьбой. Жена не показывалась в обществе, говорили, что она не нормальна» (и действительно, судя по ведомостям приходской церкви, она не появлялась на обязательной исповеди. — *Авт.*). В недолгом времени Заливские разорились, и усадьбу пришлось продавать. В 1873 г. она досталась с аукциона банкиру В.С. Марецкому, но он также разоряется, и дом переходит в 1876 г. Обществу поощрения трудолюбия при Императорском человеколюбивом

обществе, устроившему в главном доме больницу для неизлечимых пациентов (она называлась Стрекаловской по фамилии попечительницы). При больнице была устроена и церковь Всех Скорбящих Радость. В других строениях усадьбы поместились различные благотворительные учреждения.

В 1926 г. в доме устраиваются квартиры, жильцы которых довели его до полуразрушенного состояния. Парк, в котором еще сравнительно недавно стояли старинные столетние деревья, интенсивно вырубался, а дом ветшал и разрушался.

Напротив, на территории сада, в 1989 г. построили первый здесь новый элитный дом (№ 7а).

На этом же участке позади палат в 1908 г. выстроен пятиэтажный жилой дом (архитектор П.А. Ушаков), в котором жили актеры братья И.М. Москвин и М.М. Тарханов. В семье Москвиных в начале 1920-х гг. жил артист Б.В. Щукин.

Напротив несколько солидных жилых домов – № 12, где жили друзья писателя М.А. Булгакова, который часто посещал их (этот дом с большой нишей в центре фасада построен в 1898 г. по проекту А.В. Иванова), № 10 с оригинальной двухцветной окраской (1910 г., архитектор Н.Г. Фалеев) и № 8, построенный в 1914 г. архитектором Н.И. Жериховым. Здание (№ 6) рядом с ним, сооруженное после пожара 1812 г., сохранило черты уютного загородного особняка.

Пожарский переулок известен знаменитыми жильцами. Один из них – великий русский критик Виссарион Григорьевич Белинский. Он переехал в одноэтажный деревянный

дом, стоявший на месте современного № 8 (1914 г., архитектор Н.И. Жерихов) из Рахмановского переулка. «Я переменяю на днях свою гадкую квартиру», – писал он 15 сентября 1837 г. В книге регистрации жильцов этого дома было записано, что в нем живут «студент Виссарион Григорьевич Белинский, брат его Никанор Григорьевич, племянник Петр Петрович Иванов, крепостной мальчик Иван Федоров». У Белинского в начале 1838 г. жил его хороший знакомый, будущий теоретик анархизма М.А. Бакунин. «Если ты можешь жить в большой комнате и притом зале, – писал ему Белинский, – то у меня есть такая комната, и ты нисколько не стеснишь меня, занявши ее». В доме в Савеловском переулке Белинский жил с 1 октября 1837 г. по 31 марта 1838 г., до переезда в здание Межевого института на Старой Басманной.

В этом же доме жил библиограф, издатель «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева, сочинений Пушкина, Лермонтова, Рылеева и других П.А. Ефремов. «Я коренной москвич, – писал он из Петербурга, – родился в Москве, в Савеловском переулке (2 ноября 1830 г.) и живу там доднесь, то есть гнездо там. Я учился в 1-й Московской гимназии и в Московском университете...»

С ранних лет Ефремов начал собирать книги, его библиотека постепенно выросла в одну из самых больших и замечательных русских частных библиотек. Она была особенно известна своими, как звали их, «ефремовскими конволютами», то есть сборниками самых разнообразных материалов

на одну и ту же тему. Так, в свое издание «Сочинений» Радищева он вплел множество вырезок из газет и журналов, а также рукописных материалов об авторе, а, скажем, Пушкину были посвящены 20 таких объемистых конволютов.

Петр Александрович Ефремов

Вот как современник описывал жилище П.А. Ефремова:
«Он занимал небольшой особнячок, все комнаты которого

представляли из себя хранилище книг, гравюр и т. п. Книжки, преимущественно журналы, не помещавшиеся в комнатах, были сложены отдельно в сарае во дворе... Середину комнаты занимал очень длинный из простого дерева стол, покрытый темным коленкором и весь заваленный большими папками с гравюрами и литографиями. В глубине коридора, между окнами на улицу, стоял большой письменный стол... весь завален книгами и за ним, всегда с какой-нибудь книгой в руках, сидел хозяин дома». Замечательная библиотека П.А. Ефремова – более 20 тысяч томов, не считая брошюр, журналов и газетных вырезок – целиком не сохранилась, после смерти собирателя в 1908 г. она была вся распродана в разные руки.

Стоявший на месте современного жилого небольшой двухэтажный дом № 11 оказался связанным с медиками. Дом был построен в послепожарное время – он был изображен на первом архивном плане 1817 г. В 1876 г. его приобрел (и жил до 1894 г.) архитектор А.Л. Обер, известный своими постройками в Петровском переулке (№ 5), богадельней Баевых на Стромынке и другими зданиями. В этом доме перед Октябрьским переворотом жил известный микробиолог Л.А. Тарасевич. Окончив Новороссийский университет в Одессе, он продолжал образование в Париже у И.И. Мечникова. С 1907 г. Л.А. Тарасевич преподавал в Москве в университете и на Высших женских курсах, редактировал распространенный журнал «Природа», был блестящим

лектором, а его перу принадлежит несколько солидных академических и учебных руководств и учебных пособий по патологии. Тарасевич активно участвовал в организации в Москве Дома песни – центра пропаганды камерной песни, вместе с выдающейся певицей М.А. Олениной д'Альгейм. В 1920-х гг. в этом же доме жил один из основоположников нейрохирургии Н.Н. Бурденко, тогда профессор Московского университета и руководитель факультетской хирургической клиники.

Пожарский переулочек выходил к Остоженке зданием церкви Воскресения «Старой». На Остоженке были две Воскресенские церкви – «Новая», рядом на углу 1-го Зачатьевского, и «Старая», но обе они впервые упоминаются в документах под одним и тем же 1625-м годом. «Старая» деревянная церковь была отстроена в камне в 1680 г. В пожар 1812 г. она сильно пострадала, приход ее существенно уменьшился, содержать ее было нечем, и по консисторскому указу от 11 сентября 1816 г. церковь сломали, а участок отдали Алексеевскому монастырю, который и выстроил доходный дом (№ 11), теперь сломанный и замененный современным строением.

Пожарский и Обыденский переулочки спускаются к Москве-реке, параллельно которой проходит **Курсовой переулок**, переименованный в 1922 г. из Нижнего Лесного. Старое его название обязано лесным складам на речном берегу, а новое – известным в истории московского просвеще-

ния Пречистенским рабочим курсам. Они были открыты в 1897 г. и пользовались большой популярностью. В некоторые годы на них училось до 1500 рабочих, и во время приема выстраивались длинные очереди желающих попасть на них. На курсах преподавали такие крупные ученые и деятели искусства, как историки В.И. Пичета и Н.А. Рожков, химик А.Н. Реформатский, физиолог И.М. Сеченов, артисты Е.Б. Вахтангов, А.И. Южин-Сумбатов, скульптор А.С. Голубкина и многие другие. Все преподаватели, а их насчитывалось до 200 человек, работали без всякого вознаграждения, да и сами курсы несколько первых лет своего существования обходились без помощи со стороны государства. Только с 1911 г. они стали получать ежегодную субсидию от города в 3 тысячи рублей.

На курсах было два отделения – низшее и высшее. На низшем обучались начаткам знаний – грамоте, письму, основам наук, а на высшем преподавались и более сложные предметы на трех отделениях – общественном, естественном и литературно-историческом. Слушатели курсов часто посещали лучшие московские театры – Художественный, Корша, Незлобинский, бывали в московских музеях, ездили на образовательные экскурсии в Крым, на Белое море, по Волге.

В начале 1905 г. Московское отделение Императорского русского технического общества, официальный организатор и покровитель курсов, арендовало у города землю для постройки собственного здания для них в Нижнем Лесном пе-

реулке (№ 17). Проект был заказан архитектору В.Н. Башкирову. Здание сохранилось, но, правда, оно требует большого ремонта.

В начале 1908 г. курсы уже переехали в новое здание. На трех его этажах помещались мужские и женские классы (обучение было раздельным), последний этаж отводился в основном для кабинетов физики и химии, там же находилась большая аудитория. На втором этаже была открыта первая в России публичная рабочая библиотека – после ареста прогрессивного издателя С.А. Скирмунта 8 тысяч томов его собрания перешли к Пречистенским курсам.

Дом Перцова

В 1912 г. слушателей курсов посетил И.Е. Репин, перед ними выступали М. Горький, А.Б. Гольденвейзер, В.И. Качалов, К.Н. Игумнов, Л.В. Собинов. Во время Первой мировой войны здание было занято под лазарет, в марте 1917 г. курсы возвратились сюда, а летом 1921 г. переместились в помещение бывшего Коммерческого училища на Остоженке (№ 38). Затем в здании располагалось постоянное представительство Узбекской ССР, а о его славном прошлом напоминает мемориальная доска.

В начале переулка находится архитектурная достопримечательность Москвы – так называемый дом Перцова. Он выходит и на Соймаоновский (бывший Лесной) проезд, и на Пречистенскую набережную (№ 35). Дом был построен в 1906–1907 гг., причем та его часть, что выходит на Соймаоновский проезд, представляет собой старый трехэтажный дом, возведенный в 1885 г. и надстроенный во время сооружения всего здания. Владелец участка, инженер П.Н. Перцов, любитель и коллекционер предметов искусства, решил построить дом, где бы располагались его квартира-особняк, студии художников и квартиры, сдаваемые внаем. В результате конкурса предпочтение было отдано проекту инженера Н.К. Жукова и художника С.В. Малютина. В «здании-сказке», как его называли, воплощении языческого праздника, щедро использованы приемы и мотивы русского зодчества – живописность объемов, высокие крыши-щипцы, полихромные вставки изразцовых панно. Интерьеры здания отличались высокой культурой исполнения. В парадных подъездах, на лестницах до сих пор сохранились прекрасные подставки для зеркал, вешалки, ограждения лестниц. Дом Перцова был любимым детищем С.В. Малютина, который прожил в нем до 1908 г. Весной этого года во время наводнения погибли несколько его монументальных полотен, в том числе незаконченная картина «Куликово поле», хранившиеся в подвале.

Дом Перцова. Деталь

В другом его подвале 29 февраля 1908 г. родилась «Летучая мышь», кабаре-клуб, место отдыха артистов Художественного театра, ставшее позднее небольшим театром под руководством Никиты Балиева.

«Подвал был обставлен скромно, но уютно, – вспоминал артист Н.Ф. Монахов. – Скромная буфетная стойка с про-

стыми вкусными домашними закусками. Маленькая сцена, на которой артисты Художественного театра изощрялись в показе различных «самодеятельных» номеров. В кабаре я впервые увидел великого Станиславского, который показывал на сцене фокусы». Как писали тогда, «каждый спускавшийся под свод оставлял в прихожей, вместе с калошами, печаль, снимал с себя вместе с пальто и заботы».

На верхних этажах дома находились мастерские художников: «Широкая мраморная лестница, на пятом этаже на двери табличка „Студии” и много звонков; против них – фамилии известных художников. В широкий длинный коридор выходили двери мастерских. Из одной неслись торжественные звуки органа. Это мастерская Александра Васильевича Куприна, и он играет на органе, который сделал сам...» Здесь же были мастерские художников П.П. Соколова-Скаля, Р.Р. Фалька и других. В 1910-х гг. в доме жил пианист К.Н. Игумнов. В первые годы большевизма тут облюбовали себе кабинеты Троцкий (кв. 11), военные деятели Подвойский, Мехоношин, Склянский.

На левую сторону Курсового переулка выходят задние фасады нескольких особняков, выстроенных по **Пречистенской набережной**. За домом Перцова – особняк (№ 35) владельца известной в Москве типографии, здание которой находилось в Трехпрудном переулке, А.А. Левенсона, построенный в 1897 г. архитектором К.Ф. Буровым. Рядом – похожий на него, также с рустом и башенкой, – особняк, вы-

строенный для себя «классным художником», архитектором И.А. Мазуриным в 1886 г.; за ним, также несколько в глубине от набережной, – красно-кирпичное здание (№ 33) с готическими деталями, занятое сейчас посольством Мадагаскара. Оно построено в 1896 г., как ни странно это может показаться, для нужд Сандуновских бань. Тогда владелица задумала их коренную перестройку, и на Неглинной по проекту Б.В. Фрейденберга выросло импозантное здание для магазинов, квартир и бань, а здесь, на берегу Москвы-реки, устроена водокачка, снабжавшая бани. Вот этот-то дом и был построен для нее тем же архитектором. Слева размещались паровые котлы, справа внизу стояли машины, а наверху были жилые комнаты обслуживающего персонала.

В.Е. Маковский. Иван Евменьевич Цветков. 1907 г.

По красной линии проезда набережной стоит одно из самых оригинальных московских зданий, похожее на искусно украшенный ларец (№ 29), где находилась «Цветковская галерея», история которой была исследована С.В. Кузаковым и опубликована в сборнике «Москва. Люди, проблемы, события» в 1997 г.

Иван Евменьевич Цветков, скромный служащий банка (постепенно выдвинувшийся в его руководители), заинтересовался русским искусством и, движимый примером П.М.

Третьякова, решил собирать произведения русских художников. Но, не обладая возможностями Третьякова, он был вынужден ограничиться покупкой более доступных ему вещей – в его собрании было немало этюдов и подготовительных работ. Начал собирать он в 1880-х гг. и первые свои приобретения помещал в доме в Кривоарбатском переулке (№ 5). С ростом галереи Цветков задумался о постройке для нее специального здания и осенью 1898 г. приобрел на Пречистенской набережной пустопорожнее место, занятое складом мебельной фирмы «Тонет», «чудное по своему положению на берегу Москвы-реки, близ Кремля, близ храма Спасителя и близ шумного водопада бабьегородской плотины». Сам Иван Евменьевич в своих воспоминаниях, оставшихся неизданными и хранящимися в архиве, рассказывал, что он много лет изучал архитектуру русских зданий XVII в., надолго ездил в Ярославль и Ростов Великий, советовался с известными московскими архитекторами, но, в конце концов, «план дома и расположение комнат я составил себе сам, – вспоминал Цветков, – по своему вкусу и по своим потребностям, внешний же вид, все его четыре фасада сделаны по рисункам и указаниям моего доброжелателя художника В.М. Васнецова, по его же рисункам и указаниям сделаны все украшения дома, как изразцы, так и раскраска».

Техническую часть проекта и самого строительства, оконченого в мае 1901 г., обеспечивал, как видно, архитектор Б.Н. Шнауберт (или В.Н. Башкиров).

В 1909 г. И.Е. Цветков пожертвовал все свое собрание городу. В нем тогда насчитывалось почти 1500 рисунков и свыше 300 картин, но общедоступным музеем собрание стало только после кончины владельца (16 февраля 1917 г.). В доме сделали ремонт, и 16 августа 1917 г. комиссия городской думы во главе с И.Э. Грабарем приняла 429 живописных полотен, 1499 рисунков и 38 скульптур. В советское время, когда перетрясали всю систему музеев, цветковское собрание расформировали и передали экспонаты в различные музеи, а в доме разместили Музей восточных культур (до 1929 г.).

Современники неоднозначно отзывались и о доме, и о самом собирателе. Вот рассказ передвижника Я.Д. Минченкова о посещении галереи: «Дом Цветкова в русском стиле, дородный и тяжелый, олицетворял своего хозяина. Когда вы входили в вестибюль, навстречу появлялся сам Иван Евменьевич и ожидал вас на площадке лестницы, ведущей на второй этаж. На нем бархатный камзол, вроде боярского, а на голове расшитая золотом тибетейка. Совсем Борис Годунов. Вечером хозяин зажигал электрический свет в люстрах второго этажа, показывая гостю свою галерею и давая объяснения». Известны и неблагоприятные отзывы М.В. Нестерова и И.Э. Грабаря, а восторженный и увлекающийся Илья Ефимович Репин воскликнул: «Еще один драгоценный перл в диадему Москвы! И в каком царственном месте!»

Во время Отечественной войны тут находилась французская военная миссия. На стене мемориальная доска с надпи-

сями на французском и русском языках: «Вы жили не долго, но ярко» – в память 42 летчиков полка «Нормандия – Неман», павших во время Второй мировой войны.

Французские летчики воевали в СССР с марта 1943 г. и в продолжение двух лет провели почти тысячу воздушных боев, четверо из них стали Героями Советского Союза. В Москве на Введенском кладбище в 1964 г. установлен памятник неизвестному летчику полка «Нормандия – Неман», а на здании французской военной миссии в 1956 г. поставили мемориальную доску. Теперь дом занят резиденцией военного атташе Франции.

Далее по Пречистенской набережной большое производственное здание фирмы «Август Тонет» находится с левой стороны (№ 9 по Курсовому переулку), построенное архитектором Д.М. Виноградовым в 1897 г. Эта фирма была широко известна своей гнутой мебелью, называвшейся «венской». Стулья и иные предметы – легкие, прочные и удобные – были чуть ли не в каждой квартире и в каждом конторском помещении.

У пересечения набережной с 1-м Зачатьевским переулком находились бани, появившиеся здесь в 1818 г. Назывались они Новозачатьевскими торговыми и просуществовали до советского времени. В 1920 г. бывшие банные здания приспособлялись для конного двора московской милиции.

На левом углу **1-го Зачатьевского переуллка** строится новое здание (№ 13), заменившее собой внешне неинтерес-

ное, но богатое историко-бытовыми воспоминаниями, известное в Москве под именем «Голубятни». Как рассказывал Гиляровский, его выстроил богатый трактирщик, любитель голубей. На первом этаже трехэтажного дома находились лавки, на втором «дворянские» залы трактира с отдельными кабинетами, которые приглянулись революционерам, а на третьем – простонародный трактир с огромным залом. Над домом стояла обширная голубятня. Часть трактира отделялась под арену, где происходили запрещенные тогда петушиные бои.

Правый угол переулка образует сейчас небольшой скверик, на месте которого находилась церковь Воскресения «Новая», о которой исследователь московских церквей М.И. Александровский писал в начале XX в., что «церковь очень древняя, что видно по архитектуре главного здания; скорее всего, относится к XVI в. Нынешнее пятиглавие позднее, конца XVII в. В 1831 г. выстроена нынешняя западная часть храма – колокольня, трапезная и приделы Варвары-мученицы и Покрова (впервые известен с 1690 г.). Нынешний главный иконостас – 1872 г., придельные – 1900 г.». Далеко просматривались стройная колокольня, увенчанная высоким тонким шпилем, и роскошные резные кресты на ее пяти главах. Церковь эта, как и другая на Остоженке – Успенская, – пали жертвой строительной лихорадки при прокладке метро. Ее сломали в 1934 г.

Коробейников переулоч, дом № 1

1-й Зачатьевский переулоч в 1962 г. был переименован в улицу Дмитриевского в память героя войны, молодого лейтенанта, командира танковой роты, погибшего уже почти в самом конце войны, 11 марта 1945 г. (он жил в Курсовом переулочке, д. 12 – вот здесь и надо было бы поставить мемориальную доску герою). В 1992 г. возвратили исконное название этого переулочка, как и еще двух, произошедших от Зачатьевского монастыря, находящегося в квартале между 2-м и 3-м Зачатьевскими, Молочным и Коробейниковым пе-

реулками.

Первоначально на месте Зачатьевского стоял другой монастырь – Алексеевский, основанный около 1360 г. св. Алексием, митрополитом Московским, для своих сестер Евдокии и Иулиании. Монастырь имел и еще одно имя – Стародевичий, по старшинству своему между всеми девичьими московскими монастырями. По преданию, у южной стены стоял домик митрополита, в котором он останавливался, приезжая к сестрам, а они и похоронены были в монастыре. В пожар 1547 г. (или же после разорения Москвы ханом Девлет-Гиреем в 1571 г.) его постройки сгорели. В жалованной грамоте царь Михаил Федорович пишет: «При деде нашем Государе Царе и Великом Князе Иване Васильевиче всея Руси в том Зачатейском месте был монастырь Олексея человека Божия и к тому де монастырю дана была вотчина и на ту вотчину была у них жалованная грамота и после де Московсково пожару тот Олексеевской монастырь переведен в каменной город в Чертолье».

Перевели его поближе к городу, в угол, образованный крепостными стенами Белого города (там по приказу Николая I разрушили его постройки и в 1837 г. перевели на окраину Москвы для того, чтобы освободить место для храма Христа Спасителя), а на старом первоначальном месте в Остожье монастырь возобновили, но уже под другим именем – Зачатьевский. Царь Федор Иоаннович и царица Ирина не имели наследника престола и династии и в надежде произвести

на свет такового основали между 1584–1585 гг. новый монастырь: «...блаженные памяти государь Царь и великий князь Федор Иванович всея русии и государыня царица великая княгиня Ирина Федоровна на том месте за чертольскими вороты велели устроить монастырь и в нем храм зачатие Пречистыя Богородицы да в пределех свои ангелы святаго великомученика Федора стратилата и святыя мученицы Ирины, да другой храм рожества Пречистыя Богородицы да в пределе святаго великаго чудотворца Олексея Митрополита».

Так как монастырь пользовался расположением царя, то ему определили ругу, то есть жалованье: «Руги хлебныя по двенадцати четвертей ржи и овса, да денежные руги по два рубли, да по два пуда соли, да по осетру рыбы, да по полу-осмине гороху, да по полуосмине конопель старице на год». При Петре I монахини были вынуждены заняться полезным трудом – царь не любил бездельников и заставил их изучить прядильное дело, которым они занимались и позднее, а также призревали офицеров и солдат-ветеранов. Так, например, сообщалось, что в монастыре жил морского флота прапорщик Данило Петров 57 лет, который «имеет три раны, рукоделия никакого не имеет, от ран в голове имеет шум и стрельбу, в животе резь и чахотку».

В 1696 г. стольник Андрей Леонтьевич Римский-Корсаков, чей дом находился рядом с монастырем, построил надвратную церковь во имя Спаса Нерукотворного Образа (ее адрес – 2-й Зачатьевский переулок, 2), которая многие годы

считалась как бы домовою у Римских-Корсаковых, но после долгих препирательств и разборов монастырских претензий на право отправлять службы (и получать деньги) в этой церкви ее все-таки отобрали у Римских-Корсаковых и передали в монастырское ведение.

В 1765 г. А.М. Аничкова получила разрешение построить на свои средства церковь Неопалимой Купины на месте старинного здания, где жили основательницы монастыря. К началу XIX столетия монастырь получил средства для строительства нового большого собора, и в 1805 г. началось возведение огромного храма в псевдоготическом стиле архитекторами отцом и сыном Казаковыми – Матвеем Федоровичем и Матвеем Матвеевичем, строительство закончили в 1807 г., но отделка храма была отложена из-за войны 1812 г. и закончена лишь через два года. Последней, возведенной в Зачатьевском монастыре, была больничная церковь Сошествия св. Духа, выстроенная в 1844–1850 гг. на средства полковницы В.М. Головиной архитектором М.Д. Быковским (восстановлена в 2004 г.).

Зачатьевский монастырь упоминается Буниным в его рассказе «Чистый понедельник»: «Недавно я ходила в Зачатьевский монастырь – вы представить себе не можете, до чего дивно поют там стихиры!»

Монастырь, в храме которого 16 марта 1925 г., за 9 дней до кончины, служил свою последнюю литургию патриарх Тихон, был закрыт, и многие его строения обращены в «труд-

коммуну для беспризорных», впоследствии в них помещались различные учреждения. В 1933–1934 гг. главный собор снесли и на его месте построили стандартное здание школы. На территории сохранились некоторые постройки: при входе в монастырские ворота с правой стороны стоит здание настоятельских покоев, с левой – кельи, к западу – здание трапезной с больничной церковью, а вокруг еще остались стены монастыря, для возведения которых использовался камень от разобранных древней церкви Николы, что в Киевцах. Многие строения теперь отремонтированы, в церквях проходят службы. В 2006 г. Синод одобрил проект строительства Рождественского монастырского собора, который освятили в ноябре 2010 г.

В узких, извилистых переулках, окружающих монастырские строения, немного интересных архитектурных или исторических достопримечательностей. Так, в снесенном доме № 6 в 1-м Зачатьевском переулке в 1905 г. находился Союз рабочих печатного дела, первый легальный профсоюз, образованный после митинга 19 октября в здании консерватории. В этом же переулке, в доме № 13, построенном архитектором А.В. Самойловым для кооператива «Научный работник», жил с 1931 г. до кончины в 1944 г. С.И. Мицкевич, один из основателей московского Рабочего союза – ранней марксистской организации. По специальности он был врачом, и, когда его сослали в 1897 г. в Якутию, В.И. Ленин сразу же откликнулся: «Сергей Иванович писал мне, что берет

с удовольствием место врача в Средне-Колымске. Я думаю, что он прав. Лучше же быть за делом: без этого в ссылке пропадешь. А за 2¹/₂ тысячи прожить-то, наверное, можно там сносно». Речь идет о том, что при отправке в ссылку Мицкевичу предложили быть врачом, а так как известно, что царские сатрапы создавали поистине невыносимые условия для ссыльных, и, конечно, как пишет его биограф, он был «очень сильно ущемлен в правах, и ему основательно урезано жалованье. Но и это не поколебало его решения, он немедля выехал к месту новой ссылки...». С 1918 г. Мицкевич жил и работал в Москве. Он возглавлял комиссию по собиранию и изучению материалов по истории революции, был организатором и первым директором Музея революции.

2-й Зачатьевский переулочок резким изгибом уходит вниз от небольшой площади. В переулочке был наиболее интересен дом № 11, построенный, вероятно, в конце XVIII в. В начале следующего столетия он принадлежал С.В. Руссову, плодовитому тогда, но малоизвестному теперь писателю.

3-й Зачатьевский еще совсем недавно был заполнен вросшими в землю, полуразвалившимися деревянными домишками. Сейчас многие из них исчезли и на их месте растут зеленые газоны. В этом переулочке в доме № 18 в 1870-х гг. жил историк русской литературы Н.С. Тихонравов. Здесь же в тихом и зеленом районе снял небольшой особнячок (№ 3) Ф.И. Шаляпин.

Дочь его Ирина вспоминала об этом времени: «В 1904 г.

родился брат, в честь любимой роли Федора Ивановича Бориса Годунова брата назвали Борисом... В этот день мне запомнился отец – счастливый, радостный, несущий на руках по широкой лестнице мать, одетую в белое, воздушное, украшенное кружевами и лентами платье (столовая находилась на первом этаже, а комната матери – на втором). Жизнь в Зачатьевском переулке становилась все оживленнее, круг друзей Федора Ивановича все расширялся. В большом зале, где стоял рояль и где работал отец, В.А. Серов написал его портрет углем, во весь рост. Отец охотно позировал Валентину Александровичу, а в перерывах, когда они отдыхали, моя мать угощала их чаем».

В какой-то из неприхотливых домиков 3-го Зачатьевского переулочка, возможно в тот же дом № 3, переехала Анна Ахматова осенью 1918 г. из Петрограда вместе с мужем В.К. Шилейко, выдающимся ученым-востоковедом. В Москве тогда был написан цикл стихотворений «Черный сон», в него включено стихотворение, которое так и называется – «Третий Зачатьевский»:

Переулочек, переул...
Горло петелькой затянул.

Тянет свежесть с Москвы-реки,
В окнах теплятся огоньки.

Как по левой руке – пустырь,

А по правой руке – монастырь.

А напротив – высокий клен
Ночью слушает долгий стон.

Покосился гнилой фонарь —
С колокольни идет звонарь.

Мне бы тот найти образок,
Оттого, что мой близок срок,

Мне бы снова мой черный платок,
Мне бы невской воды глоток.

Правую сторону 2-го Зачатьевского переулка на большом его протяжении образует задний фасад одной из самых неудачных здесь новостроек – так называемого «Опера-хаус» (2001 г.), большого здания, в части которого находится оперный центр Галины Вишневской, а кроме него, там же и элитные квартиры, подземный гараж, фитнес-центр, бассейн и пр. Автор его М.М. Посохин, известный своими уродливыми произведениями, и тут произвел на свет некую смесь «французского с нижегородским» – тут и балконы, и лепнина, и рельефы, и колонны, и, конечно, обязательный портик, прилепленный к фасаду. Апофеоз безвкусицы.

С 3-го и 2-го Зачатьевских переулков за газоном виден двух-трехэтажный дом, давно затянутый сеткой (адрес его

по Остоженке, № 19, строение 2). Это архитектурный и исторический памятник федерального значения, доведенный до полуразрушенного состояния, – редкие в Москве каменные палаты XVII в., которые еще сохранили первоначальную планировку и следы декоративных украшений. Возможно, они находились на территории усадьбы Римских-Корсаковых, благотворивших монастырю.

Петр Васильевич Киреевский

Известно, что в начале XVIII в. эти палаты принадлежали подьячему Григорию Леонову, хотя и можно предположить, что какое-то время они были связаны с Зачатьевским монастырем.

В конце 1836 г. дом приобрел Петр Васильевич Киреевский. Первый собиратель русского народного творчества, он «с палкою в руке и котомкой на плечах отправился странствовать пешком по нашим селам и деревням, вдали от больших дорог, туда, где следы старины сохранились живей и ярче, неумоимо собирая народные песни, пословицы, сказанья, изучая народный быт и нравы, стараясь разглядеть и понять обломки давно прошедшей народной русской жизни». К сожалению, он не увидел всех результатов своей работы напечатанными. Киреевский скончался в 48 лет и похоронен рядом со старшим братом Иваном в Оптиной пустыни.

«Дом был каменный, двухэтажный, старинный, – описывал его современник, – с железной наружной дверью и с железными решетками у окон каждого этажа, точно крепость. Он стоял в тенистом саду без дорожек, на улицу выходил лишь сплошной забор с воротами».

Киреевский жил на втором этаже, «где помещалась большая комната вроде залы, с неровным щелистым полом, служившей и приемной для гостей, и рабочим кабинетом. Мебели всего было ветхий диван у глухой стены, придвинутый к окну, а против него деревянная коробья (старинный сундук, окованный железом), запертая висячим замком; у стены против окна дубовый шкаф с книгами; у дивана большой четырехугольный стол и вдобавок ко всему полдюжины разнокалиберных стульев и кресел...».

Между бывшим Зачатьевским монастырем и набережной

Москвы-реки находятся еще два переулка. Один из них – **Молочный**, название которого историк-москвовед П.В. Сытин объясняет тем, что здесь в начале XIX в. находился молочный рынок, что вызывает сомнение: известий о таком узкоспециализированном рынке в Москве нет.

Дом № 5 имел статус «памятника архитектуры» – это было деревянное строение начала XIX в. (надстроен вторым этажом в 1884 г.) со скромными украшениями на втором этаже в стиле модерн, сделанными в 1903 г. На первом этаже этого дома жил художник В.Е. Попков. В последнее время другой житель этого дома, тоже художник, Евгений Филатов, правнук владельца дома, купца Зигфрида Таля, хотел устроить здесь музей Попкова. Он довольно долгое время сопротивлялся выселению, но потерпел поражение. Дом горел, долго стоял без крыши, и теперь вместо него выстроен некий заменитель.

На участке № 9/14 в несохранившемся доме в 1880–1890-х гг. квартировал русский философ-утопист Н.Ф. Федоров. «Его комната была так тесна, – вспоминал С.Л. Толстой, побывавший у него по поручению отца, – что кровать, если можно назвать кроватью какие-то доски, упиралась обоими своими концами в стену. Накрывался он своим единственным потертым пальто, служившим ему и летом, и зимой. Свое библиотечарское жалованье он раздавал бедным и, как мне говорили, отказывался от выслуженной им прибавки». Этот дом находился на углу с **Коробейниковым переулком**.

ком. Ныне на обоих его углах с Молочным – два солидных кирпичных здания, выстроенные в одно и то же время – в 1901 г. Одно из них – левое (№ 16/10) – перестроено для посольства Хорватии, а второе – правое (№ 14/9) – для посольства Кот-д’Ивуар (Берег Слоновой Кости).

В этом переулке на участке (№ 5; он выходил и в соседний 2-й Ушаковский переулок, то есть в Хилков переулок под № 8) в небольшом доме с 1896 г. до самой смерти в 1915 г. жил знаменитый ученый, лингвист и литературовед Федор Евгеньевич Корш, профессор Московского университета, член многих зарубежных ученых сообществ, знаток десятков языков, и в числе их весьма редких. Рассказывали, как он как-то в Москве встретил цирковую процессию со слонами, с которыми шли погонщики-индусы, переговаривающиеся между собой. Он подошел к ним и заговорил на их языке, что поразило и даже испугало индусов. Оказалось, что они говорили на редком и в Индии диалекте.

В доме № 22 в 1880-х гг. жили артисты А.П. Ленский и А.И. Южин-Сумбатов.

В начале переулка, на месте производственных зданий, стоит жилой дом под названием «Кристалл-Хауз» (2005 г., архитектор Ю. Григорян) с дорогими квартирами. Название этого переулка произошло от фамилии владельца старинной усадьбы (№ 1), тягльца гостиной сотни Федора Коробейникова. Раньше Коробейников переулок назывался 1-м Ушаковским, как и 2-й и 3-й Ушаковские, по фамилии владельца

этой же усадьбы коллежского советника А.С. Ушакова. Главный дом ее сохранился – это двухэтажное здание (№ 1, строение 4), стоящее торцом к переулку, перестроенное в 1882 г. На рубеже XVIII и XIX вв. усадьба принадлежала надворной советнице Прасковье Андреевне Ушаковой. По воспоминаниям, в гостеприимный дом «тетушки Ушаковой» часто съезжались многочисленные гости, в числе которых была Настасья Федоровна Грибоедова с детьми – Марией и Александром, будущим знаменитым поэтом, и ее племянник Василий Аполлонович Ушаков, автор нескольких повестей, знакомый с Пушкиным.

В 1820 г. усадьба была приобретена купцом А.Т. Тарасенковым, брат которого был лечащим врачом Н.В. Гоголя.

В середине XIX в. ушаковская усадьба перешла к купцу И.П. Бутикову (по нему назван **Бутиковский переулок**; на плане 1843 г. у него любопытное название – Урочище Киевец), застроившему ее несколькими корпусами текстильной фабрики, ставшей одной из крупнейших в Москве. В 1868 г. на ней (там были бумаго-, шерсто-, шелкопрядильное и красильное производства) работали 1700 человек (и еще «на стороне» было занято почти 1500 работников); вырабатывались в основном саржа, сатин, камлот на сумму 1 миллион рублей. В советское время это была Москворецкая фабрика имени Молотова. В доме № 12 в 1930-х гг. жил писатель А.Г. Малышкин, о котором писал Солженицын: «Он почти забыт на родине, а за границей вовсе неизвестен. Это несправедли-

во, ибо он был из ярких, чутких авторов того ломкого времени и нервно переплетен с его темами, тревогами, помехами, жизненными и художественными поисками». В Бутиковском переулке, в строении, находящемся в глубине двора дома № 11, в 1937 г. родился и жил филолог, специалист по позднеантичной и раннехристианской эпохам, академик С.С. Аверинцев. По словам его вдовы, «это был трехэтажный дом, в первых двух этажах были отдельные квартиры, которые прежние владельцы этого дома сдавали, а на третьем этаже была квартира, рассчитанная на троих: хозяйина, хозяйку и прислугу. После революции в эту квартиру вселилось невероятное количество народа. Когда я вышла замуж за Сергея Сергеевича, в квартире проживало 23 человека. До войны и сразу после войны там было 45 человек, мне называла свекровь такую цифру».

Есть описание этой квартиры в Интернете более поздних лет: «Я помню коммуналку уже несколько другой – без байронических страстей, кровопролитий и доносов, а только с расписанием дежурств по коридору, огромным листом на туалете, призывавшим сливать воду и непременно гасить свет, и трескучим телефоном – одним на весь этаж. Говорить больше пяти минут было невозможно. Из просторной общей кухни дверь вела на черный ход, заставленный корзинами, банками с соленьями, велосипедами и всякой рухлядью, которая превращала обычную лестницу в темный лабиринт. Лабиринт, увы, никуда не вел – снаружи ход был забит

досками».

Сергей Сергеевич Аверинцев

Вокруг обстановка тоже не была особенно благоприят-

ной для мальчика Аверинцева. Философ Григорий Померанц вспоминал в некрологе Аверинцева: «В нашем переулке жили рабочие фабрики. Когда мы познакомились, я спросил Сергея: „Вас били маленьким?“ – „Да, били“. – „Значит, вас били уже дети тех, кто драл меня за волосы“. Я с моей шевелюрой и Сережа со своим беззащитным видом слабого ребенка будили в этих детях трусоб зверей. Хотя Сережа принадлежал к тому же роду-племени, что и они» (но в этом можно и поспорить с мемуаристом).

Как-то Сергея – еще мальчика – спросили, где для него его родина. Он с необычной горячностью подбежал к двери их комнаты в коммунальной квартире, провел ногой черту по приступку двери и сказал: «Вот где кончается моя родина». Он сызмала признавал только интеллектуальную атмосферу своей семьи, все другие с их неизбывной грязью, склоками, драками, доносами, вся эта человеческая лебеда была чуждой для него.

Теперь тут, на месте нескольких домов и просторных дворов между ними, одно строение под № 5. Вообще переулок радикально поменял свой облик, он почти полностью застроен новыми современными домами. Среди интересных построек в переулке (Бутиковский переулок, 3) – комплекс «Медный дом» (Copper House архитектора Сергея Скуратова) из трех прямоугольных объемов, построенный в 2003–2004 гг. Он получил такое название по необычному оформлению – «состаренным» медным листам неприятного ядови-

то-бирюзового цвета. Особенно интересна обработка фасадной стены стеклянными панелями, поставленными под разными углами. Рядом – еще одна постройка того же автора (Бутиковский переулок, 9—13), интересная отделкой фасадов. На другой стороне переулка – также необычное строение (Молочный переулок, 1). Это дорогой жилой дом архитектора Юрия Григоряна (архитектурное бюро «Меганом», 2000–2002 гг.), плавной и в то же время упругой, как бы натянутой дугой отметивший пересечение двух переулков перед небольшим газоном. Старый переулок стал более похож на улицу богатого квартала для избранных небольшого европейского города, к которому можно отнести слова «чужие здесь не ходят». Здесь нет прохожих, не играют дети, никто не смотрит из окон, нет магазинчиков, все пусто...

Хилков переулок (бывший 2-й, а также Средний Ушаковский) назван по фамилии княгини Хилковой, владевшей в 1756–1762 гг. участком на углу этого переулка и Остоженки. В это же время ближе к Москве-реке находилось «огородное порожнее место генерал-майора князя Голицына». Здесь к середине 1820-х гг. был построен существующий ныне дом (№ 3), принадлежавший В.Я. Есиповой, знакомой А.С. Пушкина. С 1 января 1828 г. дом и обширный сад перед ним наняло «акционерное общество для учреждения заведения Искусственных минеральных вод в Москве» и устроило здесь лечение этими водами. Одним из организаторов и акционеров этого заведения был известный врач профессор

Московского университета Христиан Лодер. Состоятельные пациенты съезжались рано утром пить воды, а затем прогуливались в саду, на случай же плохой погоды около дома была устроена большая терраса. Бедным пациентам воды отпускались бесплатно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.